Интервью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла телеканалам Молдавии и Румынии

Телеканал Prime (Молдова)

— Ваше Святейшество, добрый день! Добро пожаловать на молдавскую землю! От имени телекомпании Prime и наших телезрителей позвольте выразить Вам наше уважение и почтение. В предвкушении интереснейшей беседы с человеком, который имеет колоссальный опыт телевизионного общения, начну с первого вопроса.

Как обстоят дела в Молдавской митрополии? Что необходимо изменить, исправить, что необходимо модернизировать? Как Вас встретила молдавская паства, какое впечатление она произвела на Предстоятеля Русской Православной Церкви? Одним словом, Ваше Святейшество, прошу Вас оценить деятельность Молдавской митрополии по принятой в нашей стране десятибалльной оценочной шкале.

— Я хотел бы вначале сказать о пастве и, пользуясь случаем, сердечно поблагодарить всех граждан Молдовы — паству нашу — за более чем теплый прием. Когда люди молятся вместе с Патриархом, когда вы видите светлые лица, когда вы видите слезы на глазах, — не нужно никаких аргументов. Сердце человеческое воспринимает этот энергетический посыл, идущий со стороны, как самый-самый чуткий радар воспринимает сигнальную систему, которую, кстати, Бог установил и вложил в человеческую природу. Мы ведь общаемся не только словами, символами, знаками — мы общаемся сердцами. И каждый из нас очень хорошо знает: встречаясь с тем или иным человеком, просто посмотрев в лицо, вы можете сказать, светлый это человек или темный, светящиеся ли у него или потухшие глаза. Я увидел светящиеся, горящие глаза молдавской паствы, а это очень важный замер, в том числе социологический. Это свидетельствует о динамизме, пассионарности народа, который проходит через непростой период своей истории. И в экономике, и в политической жизни Молдовы мы наблюдаем трудности, но если при всем этом сохраняется столь высокий уровень пассионарности, то это значит, что народ способен изменить свою жизнь к лучшему.

Что же касается Молдавской Православной Церкви, Молдавской митрополии, то за последние годы здесь открылось наибольшее количество приходов на душу населения, если сравнивать со всей прочей канонической территорией Московского Патриархата. Практический в каждом

населенном пункте — храм, в каждом населенном пункте — священник. Когда началось это массовое открытие храмов, то у многих, кто наблюдал религиозную жизнь Молдовы со стороны, возникало беспокойство — а тот ли здесь уровень священнослужителей, а достаточно ли они подготовлены, способны ли они вступать в диалог с современным человеком? Сегодня мы можем свидетельствовать, что большая часть духовенства имеет хорошее богословское образование, а нередко и высшее светское образование. Это современные люди, и я возлагаю очень большие надежды на наших пастырей.

Что касается оценок, то ни по пятибалльной, как в России, ни по десятибалльной, как в Молдове, шкале оценивать не хочется, ведь усредненной оценки быть не может: где-то — несомненные достижения, просто прорывы, где-то еще многое нужно сделать, многое подправить, на многое обратить внимание.

Я благодарю Бога за то, что Синод Православной Церкви в Молдове сегодня тщательнейшим образом изучает, анализирует церковную ситуацию. Под председательством владыки митрополита Владимира принимаются правильные, мудрые решения, и я очень надеюсь, что епископат Православной Церкви Молдовы, ее Предстоятель сделают все для того, чтобы церковная жизнь в вашей прекрасной стране была поднята на еще более высокий уровень.

— Спасибо на добром слове. С Вашего позволения я хотел бы поговорить о глобальных проблемах. Что, с Вашей точки зрения, на самом деле вот уже год происходит в Северной Африке, мусульманской Африке? Может складываться ощущение, что за всеми длинными тирадами, разговорами о правах и свободах и диктаторах-самодурах скрывается нечто, что нам, простым смертным, пока неведомо или, наоборот, о чем нам пока не говорят. Невольно также складывается ощущение того, что Европа стоит на пороге нового крестового похода, но с точностью до наоборот — я имею в виду поход на христианскую Европу под зеленым знаменем ислама.

— Я пока неспособен — из-за отсутствия информации, а также ввиду отсутствия того, о чем Вы сейчас сказали, а именно полного понимания происходящего в Северной Африке, в арабских странах — дать окончательный анализ. Поэтому я бы воздержался от окончательного анализа и вслед за Вами выразил некоторые озабоченности. И первая озабоченность заключается в том, что никому — ни Вам, ни мне, ни мировой общественности — не ясно, какой процент во всем, что происходит сегодня там, принадлежит собственно народной инициативе, и какой процент является результатом — изберем самую мягкую формулировку — содействия этому процессу из-за рубежа. Насколько это спонтанное, естественное волеизъявление народа, который был несогласен со своими правителями (несомненно, некоторый процент такой реакции существует), и насколько эта ситуация была организована извне? В любом случае, даже когда политологи,

ученые нам потом все это расскажут — ведь в наше время нет возможности все скрыть…

— К счастью…

— К счастью, в Интернете вдруг начинают появляться документы, и общество узнаёт, что происходившее где-то, в каком-то месте, имеет под собой совершенно прагматические, прозаические причины. Может быть, что-то подобное мы узнаем в будущем и об этой ситуации. Но есть нечто, что у меня вызывает большую озабоченность, и Вы коснулись этой проблемы: ни в коем случае нельзя, чтобы в глазах арабского мира Европа воспринималась как агрессор. Это необходимо всячески предотвратить, ведь хотя Европа сегодня, простите, безбожная, секулярная и не очень-то связывает себя с христианством, но в глазах глубоко религиозного исламского населения Европа — это христиане. Поэтому на уровне базара, на уровне улицы многие воспринимают вовлеченность, причем не только политическую, но и военную вовлеченность Европы в решение всех этих проблем арабского мира как некую борьбу, которую христиане ведут с исламом. Здесь очень важно не допустить осложнения межрелигиозного, межцивилизационного фактора, потому что в глобализирующемся мире все это может очень больно отозваться — и не только на Ближнем Востоке, но и в европейских странах.

— Ваше Святейшество, Вам не кажется интересной мысль о том, чтобы под эгидой Патриарха Московского и всея Руси Кирилла собрать за одним круглым столом, скажем на Соловках, в намоленном месте, международную конференцию с участием иерархов всех мировых религий, ведущих ученых планеты, в том числе нобелевских лауреатов, и обсудить самые интересные и самые щепетильные тенденции или, как сегодня модно говорить, тренды нашей цивилизации в XXI веке? Например, запуск и работа Большого адронного коллайдера — ввергнет ли она Землю в тартарары или, наоборот, докажет или поможет доказать существование Господа Бога и Его замыслов?

— Существуют программы диалога между Церковью, богословами и учеными-естественниками. В далеком 1979 году я был одним из со-президентов Всемирной конференции «Вера, наука и будущее», которая проходила в Массачусетском технологическом институте. Тогда впервые на уровне международной христианской общины и международного научного сообщества состоялся очень серьезный разговор о философских и мировоззренческих последствиях научно-технического прогресса. В каком-то смысле этот диалог никогда не прекращался, он поддерживается в разных местах. В России существуют достаточно устойчивая система постоянного обмена мнениями между учеными и богословами, поэтому я не думаю, что нужно специально о коллайдере говорить…

— Это как пример…

— Да, а вот говорить о философии новейшего времени, о том, чем является для человека неудержимый научно-технический прогресс, что происходит в результате внедрения новейших технологий в реальную жизнь человека, гуманизирует ли это внедрение человеческую жизнь или максимально ее механизирует, приближает ли оно человека к Богу, к природе, друг к другу или порождает отчуждение — вот такого рода вопросы нужно рассматривать, конечно, совместно, потому что у богословов, у представителей Церкви есть, несомненно, свой взгляд. Взгляд часто критический, но он не может быть профанным — всякого рода выводы нужно подкреплять, в том числе ссылками на научную экспертизу, потому что если последнее не присутствует в дискурсе, то этот дискурс не может быть убедительным для всех.

— Один из молдавских епископов, Ваш бывший ученик, отзывался о Патриархе Кирилле так — я с Вашего позволения процитирую его слова: «Патриарх Кирилл — блестящий эрудит, интеллектуал, человек, который может поддержать и расширить любую тему — от правил этикета до шедевров мировой литературы». В связи с этим позвольте полюбопытствовать: легендарные и неоднозначные персонажи мировой литературы — такие, как Воланд в «Мастере и Маргарите» Михаила Булгакова или Мефистофель в «Фаусте» Гете, — вызывают у Вас неприятие, как ярчайшие представители оппозиции к христианству, или человеческое любопытство?

— Если позволите, о Гете я сейчас говорить не буду, потому что если мы начнем говорить и о Булгакове, и о Гете, то нам не хватит никакого времени. А вот на Булгакове я остановился бы, потому что он близок нам во времени, он писал о нашей стране. Так вот, существует огромное количество интерпретаций того, что означает роман «Мастер и Маргарита». Одни считают, что Булгаков, отойдя от Церкви, просто намеренно извратил евангельское повествование, создал некий миф, связанный с жизнью Иисуса Христа, который был не чем иным, как естественной реакцией писателя на официальное христианство, с которым он себя больше не связывал. Это одно толкование, но я как-то критически отношусь к этому подходу. Ознакомившись с биографией Булгакова, я понял, что он не был таким уж вовлеченным в идеологические дебаты человеком и менее всего был склонен вступать на путь какой-то антирелигиозной борьбы. Действительно, происходя из священнической семьи, он не был практикующим христианином, но вот насколько он отошел от веры, никто ведь не знает — кто тогда делился такими сокровенными мыслями?

Но вот что удивительно. Представьте себе: 20-е годы, Советский Союз, прошла первая волна массовых гонений на христиан, закрытия храмов, расстрелов, жизнь понемногу начала стабилизироваться, в том числе и Церковь, будучи угнетаемой, все-таки как-то присутствует… Можно ли было в то время написать роман о Христе? А если бы он и написал, то, наверное, об этом романе мы бы ничего не узнали — по крайней мере до крушения Советского Союза. И

Булгаков предпринимает невероятный по своей силе эксперимент. Он вводит сверхчувственное начало — дьявольское начало, потому что Божественное бы не прошло — в контекст современной ему Москвы, причем вводит это начало в соприкосновение с реальной жизнью людей.

И что же происходит? Давайте посмотрим повнимательнее. Ведь Воланд выглядит приличнее, чем москвичи. Он дурит, но дурит с высоты своего престола, и с какой страстью в эту дурь вовлекаются люди! С какой легкостью они принимают искушения дьявола! Насколько они хуже, чем дьявол! И показать это ужасное падение тогдашнего советского человека, его нравственности, его отношения к добру и злу — к продажности, к коррумпированности, к непринципиальности — невозможно было сделать иначе, как только в рамках некоей притчи, метафизической притчи. Никто же не верил в дьявола, никто не верил в Бога — вот и читали как сказку; но эта сказка дала людям возможность посмотреть на самих себя, соотнося свои собственные убеждения и образ жизни с самым темным и нехорошим, что вообще может существовать, — с дьяволом.

А ведь в каком-то смысле дьявол господствовал в том обществе. Он был главным. Ну, каким же иным способом можно было громко, на всю страну об этом сказать — что мы во власти дьявола, что он нами управляет? Булгакову это удалось сделать мастерски, и поэтому я не оцениваю и не хочу даже говорить на тему, насколько повесть о Понтии Пилате соответствует реальности. Не соответствует! Насколько этот роман соответствует каким-то православным канонам? Не соответствует! А какая польза? А польза в том, что он впервые в послереволюционное время, в то время, когда в стране уже не было никакой свободы, реально сказал о господстве темной силы в жизни тогдашнего советского общества. Думаю, именно поэтому его роман стал бессмертным.

— Раз уж мы затронули предельно щепетильную и пограничную тему, то давайте еще один вопрос из этой сферы. Проблема, быть или не быть смертной казни за тягчайшие преступления, в том числе против детей, уже не одно столетие будоражит ум людей. Что думает по этому поводу высший иерарх Русской Православной Церкви? Вам не кажется, что временами — и это очень часто происходит, особенно в последнее время, — Европа нам навязывает ценности, которые не соответствуют ни нашим историческим, ни культурным традициям? В конце концов, очень многие люди задают себе простой и, согласитесь, оправданный вопрос: почему мы, простые смертные, простые налогоплательщики, должны содержать за свои деньги в местах пожизненного лишения свободы террористов, маньяков и насильников детей?

— Вы, конечно, знакомы со статистикой, правда? Абсолютное большинство граждан в Молдове, в России, в Украине выступают за смертную казнь.

— Да, в этом мы близки...

— Когда нас спрашивают о том, каково принципиальное отношение Церкви к смертной казни, мы говорим о том, что в Предании церковном нет порицания смертной казни, нет отказа от смертной казни. Господь Иисус Христос Сам был распят, Он прошел через смертную казнь. Но ведь Он нигде не сказал, что нельзя казнить преступников, и у святых отцов мы этого не находим. Поэтому отказ от смертной казни является не результатом христианской традиции, а результатом новой либеральной философской идеи, которая появилась в западноевропейском пространстве.

Но при всем том, что Церковь никогда не выступала против смертной казни, она выступала против применения смертной казни. Так, в Российской империи за 120 или 130 лет, могу ошибиться, было всего 7 или 8 случаев применения смертной казни. Людей, которые были по суду присуждены к казни, было больше, но тоже ненамного. А почему? Церковь печаловалась, как в то время говорили, о преступниках, она как бы брала их на поруки. Она просила не приводить смертную казнь в исполнение — с тем, чтобы священники, духовники могли склонить человека к покаянию, и в большинстве случаев это удавалось сделать.

Поэтому, не порицая смертную казнь теоретически, фактически Церковь как бы сводила ее на нет. Если Вы меня спросите: а вот Вы за отмену смертной казни, по крайней мере в современной России — я буду говорить о России, сейчас мне это проще, чем говорить о Молдове, — то я скажу, что я против смертной казни в современной России. И позвольте Вам объяснить, почему. Сегодня, чтобы устранить конкурента, заказывают киллера. При нынешнем состоянии наших судов, если будет применяться смертная казнь, по закону будут убирать людей. Это страшная опасность — уже было несколько случаев, когда в конце концов, в последний момент становилось известно, что подозреваемый не виноват. Поэтому если и говорить о возвращении к смертной казни, то в каких-то совершенно конкретных случаях, когда речь идет действительно о маньяках, о массовых убийствах, о террористах. Конечно, абсолютно ясно, что при этом нужно иметь доказательства, что этот человек действительно был преступником, а не кто-то вынудил его принять на себя вину.

Так вот, всё это может иметь место в будущем. Давайте начнем эффективно изменять судебную систему в наших странах. Суд должен быть неподкупным, суд должен быть авторитетным, следственные органы должны работать безукоризненно — с тем чтобы присутствие смертной казни в уголовном праве ни в коем случае не стало способом расправы с неудобными.

— Даже если на это уйдет лет сто?

— У меня более оптимистичный взгляд на вещи. Думаю, с Божией помощью положительные перемены в жизни наших обществ и государств будут сейчас осуществляться гораздо

эффективнее, и ста лет не потребуется. А пока потерпим.

— Ваше Святейшество, напоследок позвольте о личном. Как складывается Ваш рабочий и выходной день? Патриарх Кирилл может себе позволить рассказать анекдот? И кому? И еще: выражение «Трон власти покрыт льдом, там очень тоскливо и одиноко, и нет настоящих людей» можно отнести и к Вам?

— Ну, к самому трудному для меня вопросу — в отношении выходных дней. Я как-то затрудняюсь вспомнить, когда у меня был выходной день. Даже если день не присутственный, то есть мне необязательно ехать для того, чтобы встретиться с людьми, я работаю с документами, которые накапливаются иногда в таком огромном количестве, что мне приходится прочитывать до трехсот страниц текста в день. А если к этим тремстам страницам вы добавите телефонные звонки, встречи с людьми, поездки, то вот и получается примерный средний объем работы Патриарха. Поэтому отдыха не получается. Я говорю об этом не со скрытой надеждой или уверенностью, что люди скажут «вот какой Патриарх! какой он трудолюбивый, какой умница, сколько работает, как много читает!» — я хотел бы сказать, что, может быть, Патриарх не умеет управлять своим временем. Я стараюсь ввести какой-то порядок в свою работу, потому что без отдыха человек работать не может — так Господь нас создал. Седьмой день был создан как день отдыха для поддержания качества человеческой жизни. Поэтому я очень надеюсь, что сумею, опираясь в том числе на своих помощников, организовать свое рабочее время.

А вот что касается юмора, то я считаю, что отсутствие юмора — это очень опасное явление. Юмор не только позволяет эмоционально разгрузиться, но и помогает иногда разрешить напряженную ситуацию. Отсутствие юмора часто провоцирует семейные конфликты, и, напротив, юмор может разрешить самую сложную семейную драму — если люди вдруг обретут иной взгляд, иную точку зрения на то, что происходит, друг на друга посмотрят и рассмеются. Я глубоко убежден в том, что юмор — это очень важная составляющая человеческой жизни. А по части анекдотов, то я их люблю послушать, но как-то не очень умею их запоминать.

— А что касается «трона власти и одиночества»?

— Вы о каких-то страшных словах по части льда? Я вообще холода боюсь. Но как вам сказать... Одиночество, видимо, — это то, что реально до конца дней будет сопутствовать мне как Патриарху. Оно сопутствовало и всем моим предшественникам. Может быть, то, что я сейчас скажу, — это очень личное, но я хочу, чтоб Вы меня правильно поняли: у Патриарха не может быть друзей, у него паства. А вот дружба в обычном, бытовом смысле слова, я думаю, практически невозможна.

— Смелое заявление.

— Очень честное заявление. Потому что все силы Патриарха уходят на то, чтобы быть пастырем для всех. Дружба предполагает избранный круг людей, неких любимчиков, тех, кто поближе к Патриарху, чем другие. Думаю, это очень контрпродуктивно. Патриарх должен быть открыт для всех. С другой стороны, он, конечно, к кому-то ближе, к кому-то дальше — просто потому, что с кем-то он встречается часто, с кем-то реже. Но мне кажется, что все силы Патриарха должны уходить на пастырскую любовь к людям, и если это так, то ни на что другое никаких сил уже не остается.

— Ваше Святейшество, мне остается сказать Вам большое спасибо за предельную искренность и за интересную беседу. Позвольте пожелать Вам от всех нас здоровья и Божией благодати в Вашем пастырском служении Русской Православной Церкви, России и ее народу. Большое спасибо.

— Благодарю вас. Спасибо.

Телеканал TVR-1 (Румыния)

— Ваше Святейшество, большое спасибо за возможность этого интервью. Мой первый вопрос касается ранее принятых документов Русской Православной Церкви, содержащих обширную социальную программу. Расскажите, пожалуйста, о пастырских приоритетах Русской Православной Церкви на современном этапе, а также о точке зрения Вашего Святейшества на модернизацию языка и деятельности Церкви в современном высокотехнологичном мире.

— Действительно, в 2000 году мы приняли «Основы социальной концепции» нашей Церкви. Это фундаментальный базисный документ, который помог нам построить целую систему социальной работы на уровне епархий, приходов и монастырей. Документ помог сформулировать приоритеты, и сегодня социальная работа Церкви осуществляется по нескольким направлениям. Во-первых, это помощь самим прихожанам. Нередко не нужно идти далеко за пределы прихода, чтобы помочь людям. Жизнь прихожан разная — в одном и том же храме могут стоять богатый человек и очень бедный человек; в одном и том же приходе могут быть люди счастливые, семейные, с детьми, и одинокие, чаще всего пожилые, люди. И вот когда мы стали обсуждать, как организовать в Церкви социальную работу, то подумали, что в первую очередь нам нужно начать работу с самими прихожанами: обеспечить материальную поддержку в тех случаях, когда это необходимо; помочь людям справиться с одиночеством; помочь людям, которые имеют различного рода проблемы, например, связанные с алкоголизмом. Или в среде молодежи есть много проблем, которые часто толкают молодежь на очень радикальные поступки в общественном пространстве.

В настоящий момент мы как раз находимся на очень интересной стадии, когда все эти базисные идеи, заложенные в нашу Концепцию, начинают осуществляться в Русской Церкви. Мы очень бы хотели, чтобы каждый приход, продолжая оставаться центром и местом молитвы, духовничества, одновременно становился социальным центром для местной общины, где находили бы свое место молодые люди, которые могли бы заниматься при храме интеллектуальной работой, изучать иностранные языки или даже проходить компьютерные курсы, изучать литературу, заниматься спортом, организовывать путешествия… Мы очень бы хотели, чтобы в приходе была забота и о молодежи, и о пожилых людях, о стариках, причем и об одиноких мужчинах, и об одиноких женщинах. Мы бы, конечно, хотели, чтобы каждый приход был образовательным центром — и не только в том плане, что при каждом приходе желательно иметь воскресную школу, где люди изучают религию, основы Православия, — но и образовательным центром в более широком смысле, потому что у современного молодого христианина должны быть ответы на все то, что происходит в жизни. Как мы теперь говорим, он должен быть способен отвечать на вызовы времени.

— Спасибо большое. Еще один вопрос, Ваше Святейшество. Как бы Вы охарактеризовали уровень духовности мира в настоящее время, и какой, по Вашему мнению, должна быть роль Православия в обществе?

— Совершенно очевидно, что современное общество технологически очень бурно развивается. А если оценивать не только техническую сторону развития общества, но и интеллектуальную составляющую, то и здесь несомненные и большие перемены к лучшему. Но есть нечто очень опасное, то, что происходит в современном обществе: под влиянием совершенно конкретной философии из сознания человека уходит понятие греха — якобы греха нет, а есть плюрализм мнений.

Трагедия эпохи постмодерна и заключается в том, что вместе с правдой — ложь, вместе со святостью — грех. Когда вы обращаетесь к современному человеку, особенно в публичном пространстве, то либеральная часть интеллигенции немедленно отвечает: «А кто будет судить, что добро, а что зло? Вы, как Церковь, хотите присвоить себе право определять, что такое добро и что такое зло. Мы это в прошлом уже проходили, нас это не устраивает». Церковь не присваивает себе этого права. В конце концов, определять, что добро, а что зло, должен каждый человек. Но у каждого человека должен быть объективный критерий, и Церковь настаивает на наличии такого критерия. Она утверждает, что в Священном Писании таким критерием являются те же самые десять заповедей. Нравственное чувство человека, которое удивительным, таинственным образом скоординировано с этими десятью заповедями, тоже является абсолютным критерием.

Но для того чтобы этот критерий никогда не был размыт и уничтожен, важно принять что-то, что поможет людям остаться людьми. Важно принять Божественный авторитет. Если вы принимаете Божественный авторитет как абсолютный критерий, дающий человеку возможность отличать добро от зла, вы никогда не перепутаете добро со злом. Но если этот критерий будет уничтожен — а именно это происходит в жизни современной цивилизации — тогда будет уничтожено различие между добром и злом, и люди будут с легкостью ложь принимать за правду, а зло принимать за добро.

А если на это наложить еще и попытку политически манипулировать всеми этими понятиями, то мы будем иметь страшную картину — отчасти и сейчас уже имеем. В данном случае речь идет уже о выживании человеческой цивилизации, потому что там, где зло, там смерть. Зло никогда не останавливается — зло всегда динамично развивается, если вы его не остановите. Если преступник залез к вам в карман в автобусе и его не остановили, то затем он может влезть в дом. Если его не остановят и там, он может закончить свою «карьеру» тем, что убьет человека. Зло постоянно нарастает, если его не останавливают. Поэтому если человечество в глобальном масштабе смешает добро со злом, то апокалиптическая картина мира станет реальностью.

Вы говорите о роли Православия. Вот мы и должны во весь голос говорить о необходимости абсолютного критерия в определении того, что добро, что зло; о сохранении нравственной природы человека. Мы должны говорить о грехе как о страшной опасности, имеющей отношение к личной жизни человека, к семье, к обществу, ко всей человеческой семье. Наш голос очень многим будет не по душе. От наших слов будут отмахиваться, скептически улыбаться, говорить, что мы консерваторы, что мы вчерашний день. Не надо этого бояться. У апостола Павла есть замечательные слова: «настой во время и не во время» (2 Тим. 4:2) — это и есть служение, профетическое служение Православной Церкви миру. При всем том, что оно сегодня не может быть так ярко и громко представлено всем людям, оно тем не менее несет в себе некий залог того, что в роде человеческом останется способность различать добро и зло.

— Спасибо большое, Ваше Святейшество.

Телеканал «Молдова 1»

— Ваше Святейшество! Мы уверены, что накануне Вашей пастырской поездки в Молдову Вы каким-то образом ее себе представляли. Ваши представления до и после визита — они совпадают? Каковы Ваши главные впечатления? Как Вы можете оценить визит в Молдову и что бы Вы хотели передать народу, гражданам Республики Молдова?

— Я имел представление о Молдове, потому что я неоднократно здесь бывал в сане митрополита и

встречался с владыкой Владимиром, с епископатом, с духовенством, с государственными деятелями Молдовы.

Нынешний приезд, конечно, отличается от тех, что были прежде. Я приехал сюда к своей пастве, я приехал сюда к своему народу. И это не красивые слова. Во время молитвы, — а когда молишься, нет лжи, все становится таким, каким оно есть, в том числе человеческие отношения, — я очень ясно почувствовал свое единство с молдавским народом, с благочестивой молдавской паствой.

Я увидел замечательные монастыри и храмы, хотя программа моя была ограничена. Я имел возможность долго беседовать с епископатом, с представителями духовенства. Я с благодарностью Богу свидетельствую об очень больших успехах, которые имели место в жизни Православной Церкви Молдовы, в жизни православного молдавского народа. И я хотел бы пожелать всем, кто меня сейчас слышит и видит, хранить веру православную, хранить единство Церкви, употреблять все силы для того, чтобы консолидировалось общество — с тем чтобы страна вышла из затяжного политического кризиса, чтобы у людей появился энтузиазм трудиться, зарабатывать деньги, а значит, развивать экономику. Я верю, что так оно и будет. А Церковь наша будет горячо молиться за благочестивый, трудолюбивый и душевно теплый народ Молдовы, чтобы Господь приклонил милость к народу Молдавии и к стране — светлой, красивой, гостеприимной.

— Спасибо, Ваше Святейшество.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

Источник: https://mospat.ru/ru/news/55109/